

самым история идей как методология познания не разъединяет, а объединяет разнообразные способы и формы познания мира, способствуя их взаимному обогащению и углублению.

Литература

1. Алексеев А.П. Образная ткань философского произведения (к вопросу о сопоставлении философии и литературы) // Вопросы философии. – 2011. – №11. – С. 37 – 46.
2. Баршт К.А. Религиозная мысль и научное познание в художественной системе Ф.М.Достоевского // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 128 – 135.
3. Бланшо М. Литература и право на смерть // Бланшо М., Зомбарт В., Канетти Э. Тень парфюмера. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 12–71.
4. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
5. Никольский С.А. Смыслы и ценности русского мировоззрения в творчестве Л.Н. Толстого // Вопросы философии. – 2010. – № 9. – С. 117–134.
6. Сиземская И.Н. Л.Н. Толстой об исторической необходимости как равнодействующей множества волей // Вопросы философии. – 2010. – № 9. – С. 135–142.
7. Философия и литература: проблема взаимных отношений (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. – 2009. – №9. – С. 56–96.
8. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». – СПб.: Симпозиум, 2007. – 92 с.

§ 3. История идей как сравнительное литературоведение

Проблема философского осмысления филологических наук является одной из актуальных в методологии истории идей. Соприкасаясь со многими научными областями, историк идей своей главной задачей считает поиск первоначальных элементов различных мировоззренческих концепций. Применяемый им метод исследования философских систем подчеркивает не столько оригинальность состава исходных идей-единиц, сколько их различное сочетание. Поэтому попытки выявления фундаментальных начал

философских доктрин приводят к анализу мотивов и причин, благодаря которым произошло их утверждение.

Согласно А. Лавджою, чтобы объяснить, почему в разные эпохи одни и те же идеи философских систем трактовались по-разному, историку идей необходимо обращаться к искусству, и прежде всего, к литературе. Данной точки зрения придерживался и А. Н. Уайтхед, который отмечал, что конкретное мировоззрение человека именно в литературе получает свое выражение, и если мы «рассчитываем проникнуть во внутренний мир мышления некоторого поколения, нам следует обратиться к литературе, в особенности к ее конкретным формам» (7, с. 133).

В истории идей как методологии филологического познания анализируется постановка основных мировоззренческих идей не только у небольшого количества знаменитых писателей, но и идеи-единицы коллективной мысли больших групп мыслителей. Поэтому значительный интерес в изучении истории литературы представляет фиксация движения основных ментальных идей, получивших широкое распространение, влиявших на мышление, настроение и поведение людей разных эпох. В достижении этой цели огромную роль играет анализ произведений не только шедевров литературы, но и сочинений «малых классиков», так как, с точки зрения Дж. Г. Палмера, именно писатели «меньшего ранга» отображают настроение, тенденции и идеи того времени, современниками которого они являлись, в то время как работы гениев распространяются на все времена, повествуя «о прошлом и будущем не в меньшей степени, чем о своей эпохе» (9, р. 12). Кроме того, необходимо отметить, что понимание произведений

х великих писателей невозможно без знания их связи с интеллектуальной жизнью, общераспространенной моралью и эстетическими ценностями эпохи.

Как сравнительное литературоведение, история идей отрицательно подходит к делению литературы и других исторических дисциплин по национальному и языковому признаку. Проблема «департаментализации»

истории литературы объясняется А. Лавджоем некоторой исторической случайностью, «когда профессора иностранной литературы приходили на эту должность с должности преподавателя иностранного языка» (1, с. 21). Поскольку изучение истории литературы подразумевает тщательное исследование какого-либо процесса, например, миграции сюжетов, то оно неизбежно будет пренебрегать делением по национальному или языковому признаку, так как обычно процессы данного рода не ограничены такими пределами.

Так, Т. Бенфей, создатель теории заимствования, исследовал индийское происхождение сюжетного фонда прозаического фольклора, истоки которого видел в античности, особенно в произведениях Эзопа. С его точки зрения, сходство фольклорных сюжетов объясняется их миграцией из одного общего источника – «Панчантантра» (8). Данный подход стал использоваться при доказательстве наличия общеиндоевропейских истоков европейского фольклора, благодаря чему литературные памятники впервые рассматривались во взаимной связи и зависимости.

Таким образом, исторический анализ природы и взаимосвязей преваляровавших в ту или иную эпоху идей, взаимоотношение национальных, языковых и некоторых других признаков их деления, а также вычленение общих элементарных первоначал мировоззренческих концепций является философским основанием для методологии филологического познания в контексте истории идей.

Кроме того, необходимо отметить, что основные философские идеи присутствуют в художественной литературе имплицитно. Поэтому задачей истории идей как методологии филологического познания является их вычленение и обобщение. Так, художественные произведения Л.Н. Толстого представляют собой кладезь философских идей в понимании мира. Соотношение таких категорий, как народ и природа, жизнь и смерть, любовь и страсть обнаруживается, начиная с его ранних произведений «Детство», «Севастопольские рассказы», «Метель» и др.

Видение природного начала в русском народе, в частности в крестьянстве при его «роевой» жизни, передается Толстым в повести «Казачьи», где образ дяди Ерошки раскрывает неотъемлемое единение, глубинную связь человека с природой, для которого «все бог сделал на радость человеку» (6, с. 209), ибо «все одно» (там же). Кроме того, слияние с природой возможно, по Толстому, лишь тогда, когда человек преодолевает психологическую предрасположенность к самооглядке, которая разрушает его природную целостность, поэтому рефлексирующему Оленину не нашлось места среди казаков, живущих природной жизнью.

Дальнейшее развитие философских идей Толстого прослеживается в его известной трилогии. Так, главной темой романа «Война и мир» является проблема соотношения жизни и смерти, которая рассматривается в контексте анализа военного и мирного времени. Для Толстого война – это не просто ведение вооруженных сражений на поле боя, а искусственность общественных отношений, преддверие смерти, а показателями ее присутствия в жизни являются бездуховность и аморальность человека. Поэтому напыщенные разговоры, изощренные манеры, мишура и ослепительный блеск светского общества представляет собой искусственное инобытие смерти.

В силу этого, процесс обращения живого в искусственное является одной из главных тем романа и особенно ярко раскрывается читателю на примере оболыщения Наташи Ростовой Анатодем. Поначалу негативное отношение Наташи к происходящим в светском обществе событиям, ее удивление и их восприятие с насмешкой демонстрирует обычную реакцию человека на неестественность и театрализованность. Но вскоре Наташу заинтересовывает игра, и она поддается влиянию общества, начиная во всем подражать Элен – в улыбке, движениях, манере разговора, в убеждении своей любви к Анатоде, в попытке побега из дома. Однако Наташа, лишь соприкасаясь с внешней силой неживого, в конечном итоге находит свое спасение в благородности Пьера как олицетворения нравственного начала,

морального чувства, которые и являются «атрибутами жизни, обеспечивающими успешное противостояние человека смертельному началу» (2, с. 125).

Иная философская идея – гибельность страсти и жизнеутверждение любви, является центральной темой в романе «Анна Каренина». Толстой показывает, что человек, одолеваемый страстью, попадает в круг переживания «того опыта и полноты сознания, которые оказались в нем в момент начала страсти» (там же, с. 130), что ведет его к гибельному самоуничтожению. В развязке романа Анна, одержимая страстью, пытаясь вернуть любовь Вронского, наказать и одержать победу над ним, решается на отчаянный шаг, воспринимая смерть как обыденность жизни. И хотя ее инстинктивная попытка сохранения и возврата к жизни является «светом свечи», осветившей «ей все то, что прежде было во мраке» (3, с. 734), финал романа демонстрирует неумолимую победу смерти над страстью.

Еще одна вечная проблема поднимается Толстым в романе «Воскресение», где анализируется рефлексия человека, озабоченного собственным преображением. Поначалу главный герой, молодой князь Дмитрий Иванович Нехлюдов, вел праздный образ жизни и делал все в угоду своего здорового, бодрого, животного «я». Он «находился в хроническом состоянии сумасшедшего эгоизма» (5, с. 60), наивысшей точкой которого явилось соблазнение воспитанницы Катюши у своих тетюшек. Однако, будучи присяжным заседателем, он сталкивается с реальностью жизни, и тяжесть совершенных поступков внезапно им осознается при встрече с подсудимой, в которой он узнает Катеньку Маслову, и воскрешение души видится ему в соблюдении Божьих наставлений, жизни в пользу «духовного я», в утверждении того, что человек является образом и подобием Божьим.

Таким образом, в художественно-образной форме Толстой в своих произведениях анализирует такие фундаментальные категории, философские идеи, как народ, природа, соотношение жизни и смерти, любви и страсти,

живого и мертвого, выделение которых способствует формированию методологии филологического познания в контексте истории идей.

Литература

1. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — 376 с.
2. Никольский С. А. Смыслы и ценности русского мировоззрения в творчестве Л. Н. Толстого // Вопросы философии. — 2010. — № 9. — С. 117 — 134.
3. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. — М.: Художественная литература, 1981. — 799 с.
4. Толстой Л. Н. Война и мир: Роман в 4-х томах. — М.: Художественная литература, 1983. — 702 с.
5. Толстой Л. Н. Воскресенье. Роман. — М.: Художественная литература, 1978. — 397 с.
6. Толстой Л. Н. Казаки / Повести и рассказы. — М.: Художественная литература, 1986. — 652 с.
7. Уайтхед А.Н. Наука и современный мир. Избранные работы по философии. — М.: Прогресс, 1990. — 720 с.
8. Benfey Th. Panchatantra: Fünf Bücher indischer Fabeln, Märchen und Erzählungen, I–II. Leipzig, 1859.
9. George Herbert Palmer. The English Works of George Herbert. Boston, 1905.

§ 4. Идея «игры» как познавательная модель философии языка

Актуальность применения идеи «игры» для философского и конкретно-научного познания, философии языка состоит в том, что «периферийное некогда для философии понятие игры становится важнейшим её современным инструментом, средством понимания фундаментальных отношений между людьми, между человеком и естественными и искусственными системами» (5, с. 245).

Преимущество методологического применения любой метафорической идеи, по справедливому утверждению Х.-Г. Гадамера, состоит в том, что первоначальное её значение оказывается снятым, и язык «предлагает нам